

За рубежом. — 1993. — 5-11 марта (№9). — С. 23.

«Счастлив, что состоялся как артист»

Хью КАННИНГ

«САНДИ ТАЙМС МЭГЭЗИН», ЛОНДОН.

ХОСЕ КАРРЕРАС буквально пышет здоровьем, когда идет по коридорам за кулисами Королевского оперного театра, умиротворенно улыбаясь. Он репетирует новую постановку «Стиффелио» Джузеппе Верди в «Ковент-Гарден», и, как это часто случается со всеми знаменитыми тенорами, времени ему не хватает. Однако он не пренебрегает тем, чтобы перекинуться парой слов с гардеробщицей по пути в свою артистическую уборную. Перед нами «типичный» Каррерас: никаких армий прихлебателей, никакой свиты, никаких охранников, которые бы сдерживали поклонников.

Прошло почти шесть лет, с тех пор как во время съемок «Богемы» он заболел и ему поставили диагноз: лейкемия, причем шансы выжить были весьма невелики. Кто же знал, что будет совсем иначе? Правда, он выглядит несколько старше своих 46 лет. Химиотерапия оставила несколько морщин на лице, а волосы серебрятся сединой. Он выглядит бледнее, чем обычный уроженец Средиземноморья. Однако не так изможден как два года назад, когда в последний раз пел партию Самсона в Королевском оперном театре.

Певец чуточку располнел, но по-прежнему остается симпатичным мужчиной с темными смеющимися глазами. После четырех лет интенсивного лечения он говорил друзьям и коллегам, что будет проще смотреть на вещи. по-видимому, воспрянул духом.

«Физически я чувствую себя хорошо и считаю, что мой голос с каждым днем все лучше и лучше открывается на то, что я от него хочу. Я снова пою оперы там, где мне нравится петь: «Ковент-Гарден», несомненно, «Ла Скала», а также в Вене и, по понятным причинам, в моем родном городе — Барселоне», — говорит он.

Особенно счастлив он петь заглав-

ную партию Стиффелио. Четырнадцать лет назад Каррерас спел в Вене эту партию в первых записанных фирмой «Филипс» ранних забытых операх Верди, но в театре собирается исполнить ее впервые. «Я хорошо подготовился к записи, но давайте посмотрим правде в глаза: петь на сцене — отнюдь не то же самое. В студии звукозаписи вы работаете недели две, но там можно начать с последнего акта, и очень трудно дать правильное представление об опере на магнитной пленке. На сцене я чувствую себя гораздо лучше. Перед премьерой репетировал недели три, и это дает возможность по-настоящему глубоко проникнуть в роль и заучить трудные для моего голоса пассажи».

Вероятно, «Стиффелио» — одна из тех опер так называемого «среднего периода» Верди, которые недооценивали; впервые ее исполнили в 1850 году (сразу же после «Риголетто»).

«Очаровательная партия. Этим человеком восхищаются земляки, он для них — Бог на Земле с непрерываемым нравственным авторитетом, — говорит певец. — Но в то же время герой сталкивается и с чисто человеческими, личными проблемами, не имеющими ничего общего с религией. В какие-то драматические моменты его можно сравнить с Отелло, но Отелло — воин, а Стиффелио — священник, мистик. Он принадлежит совершенно иному миру, с совершенно другими верованиями».

Возвращение на сцену в новой постановке после трех недель репетиций поразило тех, кто считал, что Каррерас никогда не сможет придерживаться столь же интенсивного ритма работы, как до болезни. Сегодня он, безусловно, более придирчиво отбирает репертуар.

Каррерас не любит, чтобы ему наклеивали какие-либо ярлыки. Он считает, что знает пределы своих возможностей, но верит в свой талант и в свой инстинкт. И напоминает, что в 1975 году исполнил партию Неморино — героя комической оперы Доницетти «Любовный напиток», и это

была партия лирического тенора; однако через два года он пел гораздо более драматическую партию в «Силе судьбы»: «Многие говорили мне, что это лучшее из того, что я спел до сих пор. Так кому же верить? В конце концов надо верить самому себе. В прошлом я делал ошибки и, наверно, буду ошибаться и в будущем. Прекрасно! На ошибках учатся».

Я задал риторический вопрос — а не считает ли он свое участие в «популярных» концертах одной из ошибок? И еще спросил, не стало ли это чем-то вроде цирка?

«Я бы не употреблял такое слово. А назвал бы это развлечением. Считаю, что за последние 20 лет опера стала гораздо более популярной у самой широкой публики, чем когда-либо. Во всем мире найдется немного артистов, на выступления которых хотят приобрести билеты в 20 раз больше людей, чем может вместить обычный зал. Поэтому, как мы говорим, давайте делать это по-крупному. В чем проблема? Неудобство в том, что вы не слышите голос певца так, как в оперном театре или же в концертном зале, даже несмотря на то, что сегодня есть прекрасные усилительные системы; однако преимущества этого огромны. Люди знают, что большие арены — не самое лучшее место для подобных выступлений, однако

это дает возможность гораздо более широким социальным группам ближе ознакомиться с конкретным видом музыки. Это можно считать «развлечением», но можно надеяться, что публика приблизится к настоящему искусству. Мы все на это надеемся».

Я спросил — а нет ли риска, что эти «макроконцерты» поднимут реноме артистов до такого уровня, когда они станут жертвами своего собственного успеха и известности? Посмотрите, сказал я, что произошло с Паваротти в «Ла Скала» и на его недавнем концерте в Дюссельдорфе...

«Послушайте, Лучано стал не просто артистическим, но и социальным явлением. Для газетчиков становится «жареной новостью», когда он делает что-то не так. Я слышал некоторые радиопостановки «Дон Карлоса» и подумал: Господи, его голос звучит свежее, чем когда-либо, и он в прекрасной форме. Нельзя судить о певце только по одной неправильно взятой ноте. И вот в Германии это случилось снова, но, может быть, это просто был не самый удачный для него вечер. Такое может случиться с каждым. Кто был лучшим в мире футболистом? Пеле? Бобби Чарлтон? Беккенбауэр? Круифф? Они заработали массу пенальти, но это не означало конца их карьеры!»

В состязании «супертеноров» Каррерас находится где-то посередине. Он прекрасно уживается и с Паваротти, и с Доминго, и у него не остается времени на соперничество, которое, по-видимому, поглощает так много времени и артистической энергии названных выше певцов. Его это ничуть не беспокоит, говорит он, «пусть меня будут считать третьим после них. Ведь решает то публика! Если бы 23 года назад, когда в Барселоне я спел партию Флавио с Монсеррат Кабалье в «Норме», кто-нибудь сказал, что мне представится возможность работать с самыми изумительными дирижерами, с лучшими сценическими режиссерами с прекраснейшими коллегами, причем в самых знаменитых оперных театрах и что я сделаю более ста записей, я бы ни за что не поверил. Поэтому считаю, что мне не просто везло последние пять лет. Я так счастлив, что мне безразлично, кто первый, кто второй, а кто седьмой. Какая разница? Я счастлив, что состоялся как артист».

5-11.03.93

Каррерас Х.